

VIII. ИРИНАРХ ВВЕДЕНСКИЙ

Давно уже намеревался Чернышевский возобновить знакомство со своим земляком Иринархом Введенским, который был лет на пятнадцать старше его. Об Иринархе Ивановиче он много наслушался еще в бытность свою в Саратове. Толковали о нем вкривь и вкось, сплетничали, резко осуждали за смелость, с какой этот бурсак одним из первых оставил саратовскую духовную семинарию и перебрался в столицу, стремясь получить светское образование.

Тернист и извилист был жизненный путь Иринарха Ивановича. Многое пришлось испытать и изведать ему, прежде чем он достиг, наконец, некоторой известности и устойчивости положения.

Восьмилетним мальчиком Иринарх разлучился с родителями и сестрами — его определили в пензенское духовное училище (в то самое, где в свое время учился отец Чернышевского).

Иринарх попал туда среди учебного года, не зная ровным счетом ничего из того, что уже успели пройти одноклассники. Однако редкие способности и необычайная память Введенского быстро выдвинули его в ряды лучших воспитанников училища.

Любознательный и неутомимый в занятиях, мальчик еще в училище пристрастился к книгам; они стали единственным его наслаждением в ту пору. Запоем читал он все, что попадалось ему под руку, и познакомился таким образом со многими произведениями русской и переводной литературы.

В половине учебного года отец Иринарха, навестив его в Пензе, привез ему сочинения Ломоносова и карамзинские «Письма русского путешественника». Эти книги произвели сильное впечатление на душу мальчугана: «Тятенька, не посылай мне лепешек, а пришли еще Карамзина; я люблю его; я буду читать его по ночам и за то буду хорошо учиться», — писал он отцу, который с трудом высылал ему десять двенадцать рублей в год.

По окончании пензенского духовного училища Введенский поступил в саратовскую семинарию, в ту самую, где несколько позже его начал учиться Николай Гаврилович (когда Чернышевский поступил в семинарию, память о Введенском была там еще свежа).

С возрастающим усердием будущий известный переводчик романов Диккенса стал трудиться над своим образованием, усердно изучая древние и новые языки (впоследствии он знал их семь), словесность и историю. Наставники дивились его трудолюбию, обширной начитанности и разносторонним знаниям. «Диссертации» его, написанные большей частью на латинском языке, переплетенные в виде фолианта, ходили в семинарии по рукам, как образцовые работы, достойные подражания.

Окончив в 1834 году саратовскую семинарию, Введенский решил перебраться в Москву, лелея надежду получить доступ к светскому образованию. Однако ему

не удалось устроиться в университет, и он поступил в духовную академию. Ни малейшей склонности к предметам, преподававшимся в академии, Иринарх не питал. Иногда он ходил пешком из Сергиевского посада в Москву слушать университетские лекции, продолжая совершенствоваться в изучении языков и литературы.

«Скоро, скоро кончится мое академическое учение, — писал он матери незадолго до выпускных экзаменов, — но что я буду делать в духовном звании?.. Я не приготовлен к нему; мои наклонности влекут меня в другую сторону. Я обману себя, вас, людей... если пойду в противность голосу своей природы. Безотраднее положение!»

Месяцев за пять до окончания академии, которое дало бы ему степень магистра православной теологии и прибило бы его, наконец, к какому-то берегу, Введенский был уволен из академии.

В начале 1840 года пешком отправился он пытаться счастья в Петербург. Неприветливо встретила на первых порах Иринарха Ивановича северная столица. Случалось ему и не есть ничего по целым суткам, случалось и ночевать в садовых беседках, за отсутствием другого крова. Почти полгода прожил он так, «преданный всем родам унижения и ужасной нищеты», ревностно добиваясь осуществления своей цели, и добился в конце концов поступления в Петербургский университет. В двадцать семь лет он чувствовал себя многоопытным и безмерно усталым от жизненных невзгод. «Прощай, золотая юность, — писал он, — я не знал ни твоих радостей, ни восторгов... Грустно вспоминать прошедшее, еще грустнее подумать о будущем. Если жизнь измеряется силою ощущений, желаний, опытов, страданий, я прожил не мене ста лет. Сколько благослове-

ний и проклятий я разбросал на дороге своего бедного существования; сколько было стремлений к добру и славе, — и все это брошено даром... Прощай, моя юность!»

Вскоре судьба столкнула Иринарха Ивановича в Петербурге с известным профессором арабской словесности, редактором «Библиотеки для чтения» Сенковским, подписывавшимся в своем журнале иногда «Тютюнджи-Оглу», чаще «Бароном Брамбеусом».

Опытный журналист оценил способности Введенского работать быстро и неутомимо. Он привлек его к сотрудничеству в журнале, поселил у себя на квартире, зорко следил за тем, чтобы страсть к чарке не возобладала у Иринарха над чувством долга. С этой целью, случалось, даже запирали его на ключ в часы неотложной работы для журнала.

И вот трудолюбивый Иринарх стал усердно заполнять страницы «Библиотеки для чтения» своими переводами и критическими статьями, продолжая одновременно учиться в университете. В августе месяце 1842 года он успешно окончил Петербургский университет со званием кандидата по философскому факультету. По выходе из университета Введенский получил место преподавателя русского языка и словесности в Дворянском полку, а затем и в Артиллерийском училище.

В этом питомце саратовской семинарии была ломоносовская жилка. Недаром, выдержав через несколько лет магистерский экзамен и читая в университете пробную лекцию, он смутил чинных профессоров восклицанием: «Ломоносов потому и сделал так много, что был мужик!» И ударил при этих словах кулаком по кафедре. Но зато и не дали ему этой кафедры в университете.

«Труд, труд и труд — вот что упрочивает счастье человека в этой жизни», — твердил своим слушателям Введенский.

В 1847—1848 годах у него собирались по пятницам гости, вели политические разговоры, толковали о необходимости перемен в России, обсуждали европейские события. Кружок этот был в чем-то, должно быть, сродни петрашевцам.

Весною 1849 года и над Иринархом Ивановичем нависла опасность. Вигель доносил следователю по делу петрашевцев: «Нечаянный случай дал мне по заочности узнать об одном Введенском, поповиче. говорят, с чрезвычайным умом и с изумительными правилами безнравственности и безбожия... Он задушевный друг Петрашевского, но так благоразумен, что не принадлежит ни к какому обществу».

К счастью, гроза прошла стороной. Иные из посетителей кружка попрежнему стали заходить к Иринарху, но уже не по пятницам, как бывало, а по средам. Разговоры на первых порах велись осторожнее — больше о способах зарабатывать деньги пером, об издателях и журналах, о переводах, о школах. С конца 1849 года стал появляться здесь по средам и Чернышевский.

Вскоре между ними завязались дружеские отношения, что сыграло свою роль на первом этапе деятельности Чернышевского на педагогическом поприще и в журналистике. Участие его в кружке Введенского, родственном кружку Петрашевского, также имело некоторое значение в развитии мировоззрения будущего вождя освободительного движения шестидесятых годов.

Должно быть, он хорошо запомнил тех из гостей Введенского, которые были склонны лишь к самым умеренным либеральным разговорам, да и то ведущим-

ся шопотом и с оглядкой «Помню очень хорошо, — неприязненно писал один из них, — на вечерах Введенского этого рыжеволосого юношу, который рьяно защищал фантазии коммунистов и социалистов».

Сам хозяин дома был весьма благорасположен к своему новому посетителю. «Беседуя с ним, поверите ли, — говаривал Иринарх Иванович, — право, не знаешь, чему дивиться: начитанности ли, массе ли сведений, в которых он умеет отличнейшим образом разобраться, или широте, проницательности и живости его ума Замечательно организованная голова! Он, может быть, превзойдет Белинского».

